

Меня давно не покидает чувство, что мой мозг — жвачка, на которую много раз наступили. Она прилипла к черепной коробке и давит, давит, давит...

Отчаяние? Что это?

Ах, мысли так прелестно путаются.

Я кружусь в танце посреди улицы в одном нижнем белье и школьных туфлях. Школьная форма валяется в ближайших кустах, бесхозная и ненужная. Меня одолевает тошнота, но я не замечаю её. Всё кружусь и кружусь в своём безумном танце.

Почему я не могу быть с тобой? Почему день повторяет бесконечный цикл? Мы каждый день встречаемся. Окончательно ты влюбляешься в меня впервые, а я схожу с ума по тебе уже в течение сотни лет. Мои чувства глубоки к тебе, как и время, проведённое с тобой.

Чей это смех? Мой? Ох, и правда. В своём безумии я уже не разделяю фантазии и реальность этого повторяющегося цикла повторных повторов. Меня мотает, будто я нахожусь в стиральной машине, но всё неизменно.

Сегодня снова повторится. Я так устала от всего, и не понять, к чему стремиться. Зачем страдать, зачем желать? Не лучше ли убиться?

Но от очередного суицида меня спасает твой прекрасный образ. Только благодаря твоему неповторимому голосу, дивному цвету волос и глаз, ещё окончательно не разжижела жвачка в моей черепной коробке и я осознаю себя как «Саваду Цунаёши».

Я ничего не вижу. Вокруг меня целый мир, но этот мир зациклен в повторах, и они будут повторяться целую вечность. Но это сплошное одиночество. Тишина, обволакивающая меня отчаянием, как покрывалом, неизменно со мною рядом.

Когда мне надоедает кружить в танце, то я срываюсь с места и бегу в сторону супермаркета. Автоматические двери пропускают меня в сам магазин. За кассой привычно стоит работник. Танака-сан, вроде? Да это и неважно.

Я напускаю на лицо всю серьёзность, которая у меня ещё осталась, и кидаюсь к работнику супермаркета.

— Какой сегодня год?! — кричу я, глядя на Танаку-сан.

Немногие покупатели (сейчас ещё рано для большого потока людей) смотрят на меня настороженно. Впрочем, оно и очевидно.

— Двадцать девятое апреля 20XX года... — растерянно отвечает мне Танака-сан. — Вы будете что-либо...

— Ура-а-а! — вырывается из моей грудной клетки крик. — Путешествия во времени реальны! У меня получилось!

Кто-то достаёт телефон и начинает меня снимать, что я позволяю делать, не обращая внимания на то, что меня снимают в одном белье. А затем, перестав ликовать, я склоняюсь в вежливом поклоне перед опешившим Танакой-саном.

— Извините, вас снимала скрытая камера. Это шоу «Розыгрыш», — вру я, конечно же. Никакой это не розыгрыш. Да и я не путешественница во времени.

— Ну бли-и-ин... — протягивает кто-то.

Не различая похожих лиц, которые стали для меня как одно, я склоняюсь и перед покупателями.

— Простите за причинённые неудобства! — и ухожу, слыша в спину:

— А кто снимал-то?

— Впервые слышу про такое шоу...

За мной закрываются автоматические двери супермаркета. Я, не оборачиваясь, бегу, куда глаза глядят. Не разбирая дороги. И, что не удивительно, меня возвращает к воротам Старшей школы Намимори. Слишком привычна дорога. Официально я и месяца не посещала школу, но на деле застряла в её стенах на добрую сотню лет, зная каждый закоулок, каждого ученика и учителя.

Савада Цунаёши. Шестнадцать лет. Класс 1-2. Десятая в списке класса.

Цунаёши — я — идёт по знакомым коридорам. Из классов слышатся голоса учителей, ведущих уроки для учащихся. Мне по пути встречается парочка прогульщиц.

— Смотри, смотри!

— Это что, «она»?

— Она!..

Удивительно, как за сто лет меняется отношение к издевательствам. Но я-прошлая плакала навзрыд, когда началась эта травля. Неумеха Цуна. Бесплезная Цуна. Никчёмная Цуна... Как меня только не прозвали. Хотя чему удивляться? За месяц я прославилась как самое бесполезное в школе создание.

Не оборачиваясь на Ёсикаву Ёрико и Сато Микако, я с гордо поднятой головой миную коридор и выхожу к лестнице. Взбежать по ней вверх на десяток ступеней не возникает особого труда. Удивительно, но я давно не спотыкаюсь о собственный каблук туфли и случайно не задеваю бедром угол.

Последний лестничный пролёт. Знакомая крыша. Ноги несут меня к ограждению, и я ловко перелезаю через него, становясь на самый край. Ветер свистит в ушах, но мне давно не страшно. В очередной раз не оставив себе места для сомнений, я делаю шаг и срываюсь с крыши, чтобы в очередной раз упасть вверх тормашками, в очередной раз думая о тебе, мой любимый.

Содержимое моего черепа расплёскивается по земле, и мир потухает, но я знаю, что очнусь у себя комнате рано утром.

Так было вчера...

...И так будет целую вечность.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/47222/1126305>